

DOI: 10.17976/jpps/2023.04.03

EDN: BIZGDV

ДЕКОНТЕСТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ “СУВЕРЕНИТЕТ” И “СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ” В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДИСКУРСАХ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА, 2016-2021 гг.

Г.В. Коцур

КОЦУР Глеб Владиславович, кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, email: glebk17@gmail.com

Коцур Г.В. 2023. Деконтекстуализация концептов “суверенитет” и “стратегический суверенитет” в официальных дискурсах России и Европейского союза, 2016-2021 гг. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 23-36. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.03>. EDN: BIZGDV

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00682 (<https://rscf.ru/project/22-28-00682/>).

Статья поступила в редакцию: 15.10.2022. Принята к публикации: 19.04.2023

Аннотация. В фокусе внимания статьи находится концепция стратегического суверенитета, которая активно распространяется в официальном дискурсе ЕС и стран-членов в последние годы. Для Евросоюза обращение к ней стало относительно новым явлением, поскольку ранее Брюссель отрицал значение суверенитета для формирования своего внешнеполитического курса. Напротив, в России суверенность традиционно описывалась в качестве ключевого атрибута общества и государства, важность которого лишь возрастает в связи с противостоением с Западом. В рамках статьи предпринимается попытка сравнить семантическое наполнение понятий в европейском и российском официальном дискурсах за единый промежуток времени. Для этого автор использует морфологический анализ идеологии М. Фридена с акцентом на операции деконтекстуализации и роль смежных концептов. В практическом смысле деконтекстуализация предполагает встраивание того или иного концепта в определенную идеологическую матрицу, когда плавающее содержание понятия фиксируется за счет соотношения с сопряженными с ним категориями. В качестве эмпирической базы избран официальный дискурс обеих сторон, а именно – речевые акты первых лиц и ключевые документы России и Евросоюза. Анализ демонстрирует, что концепты имеют мало общего в двух столь различных по идеологии дискурсах. Для Евросоюза стратегический суверенитет – это способность принимать независимые решения, прежде всего в области экономики, безопасности и информационной сфере, для борьбы с вызовами наднационального уровня. В российском же ценностном поле суверенитет предстает в качестве важнейшего социального объекта, связанного главным образом со сферой государственной безопасности и нуждающегося в защите от угроз и вмешательства. Несмотря на некоторые смысловые пересечения, концепты России и ЕС различаются как в парадигмальном отношении, так и в плане конкретного семантического наполнения через смежные концепты.

Ключевые слова: суверенитет, стратегический суверенитет, идеология, Европейский союз, Россия, дискурс, неолиберализм, консерватизм.

Понятие “суверенитет” прочно укоренено в официальном дискурсе России как одна из ключевых категорий утвердившейся ныне консерватив-

ной гегемонистской формации [Prozorgov 2005]. Для Евросоюза (ЕС), напротив, понятие “суверенитет” долгое время играло роль Конституирующего Иного как нечто, что должно быть преодолено на национальном уровне для успешного наднационального развития [Waever 1996]. Однако в последние годы наблюдается активное распространение концепции “стратегический суверенитет” (и родственной ей концепции “стратегическая автономия”) в официальном дискурсе ЕС. С 2017 г. Э. Макрон произнес четыре речи, где “суверенитет Европы” оказался в смысловом центре выступления¹. Глава Европейского совета Ш. Мишель и другие высшие чиновники ЕС тоже используют это понятие². Оно также нашло свое отражение в целом ряде недавних важнейших документов Брюсселя³. При этом суверенитет понимается уже не только как национальная категория, препятствующая развитию Евросоюза, но и как его собственный (потенциальный) атрибут и ресурс в современном мире [Романова 2021].

Таким образом, Москва и Брюссель обращаются к слову “суверенитет” для достижения определенных дискурсивных целей. Но одно и то же слово может отсылать к принципиально разным по содержанию понятиям, особенно в столь различающихся политических системах. В данном контексте цель статьи – через сравнение процессов деконтекстации установить, являются ли концепты суверенитета в официальных дискурсах ЕС и России синонимичными, родственными или кардинально разными по своему смыслу. И поскольку политические пространства РФ и ЕС существенно разнятся в идеологическом отношении, третью позицию мы рассматриваем в качестве базовой гипотезы работы. Для достижения цели исследования мы задействуем критическую геополитику и комплексный метод дискурс-анализа на основе морфологического анализа идеологии М. Фридена. Объектом выступит официальный дискурс России и ЕС в 2016–2021 гг., представленный одинаковым количеством текстов. Хронологические рамки заданы периодом активного распространения концеп-

¹ Macron E. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron, à la Pnyx, Athens, 7 September 2017. *The President of France*, 08.09.2017. <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-786-fr.pdf>; Macron E. Initiative for Europe. Speech by Emmanuel Macron, Présidence de l'La République. *Department of Foreign Affairs*, 26.09.2017. <https://www.dfa.ie/media/English-version-transcript---Initiative-for-Europe---Speech-by-the-President-of-the-French-Republic.pdf>; Macron E. Discours du Président de la République à l'Occasion du Lancement de la Conférence sur l'Avenir de l'Europe. *Elysee*, 09.05.2021. <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/05/09/lancement-de-la-conference-sur-lavenir-de-leurope>; Macron E. Transcript: President Macron on his vision for Europe and the future of transatlantic relations. *The Internet Archive by Atlantic Council*, 05.02.2021. <http://web.archive.org/web/20220922062216/https://www.atlanticcouncil.org/news/transcripts/transcript-president-macron-on-his-vision-for-europe-and-the-future-of-transatlantic-relations/> (accessed 04.05.2023).

² Michel C. Digital sovereignty is central to European strategic autonomy. Speech by President Charles Michel at “Masters of digital 2021” online event. *European Council. Council of the European Union*, 03.02.2021. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/02/03/speech-by-president-charles-michel-at-the-digitaleurope-masters-of-digital-online-event/>; Michel C. “Strategic autonomy for Europe – the aim of our generation”. Speech by President Charles Michel to the Bruegel Think Tank. *European Council. Council of the European Union*, 28.09.2020. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/l-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-augroupe-de-reflexion-bruegel/> (accessed 04.05.2023).

³ Communication from the Commission. A New Industrial Strategy for Europe. *EUR-Lex*, 10.03.2020. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593086905382&uri=CELEX%3A52020DC0102>; On the path to “Strategic autonomy”. The EU in an evolving geopolitical environment. *European Parliament*, 01.09.2020. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf) (accessed 04.05.2023).

та в ЕС. Вначале мы обоснуем, почему метод М. Фридена с его фокусом на деконтекстации концептов оптимален для нашей цели, проследим деконтекстацию концепта в России и ЕС и, наконец, сравним полученные результаты.

СУВЕРЕНИТЕТ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КРИТИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ И МОРФОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА М. ФРИДЕНА

В основе нашего исследования лежит критическая геополитика, предполагающая “изучение всех географических допущений, обозначений и понятий, которые влияют на формирование мировой политики” [Agnew 2003: 135]. Иными словами, это проекция социального конструктивизма (с его акцентом на нормах и идентичностях) на основные географические категории. В центре исследований, выполненных в этом теоретическом русле, находится процесс конструирования географических категорий в их связи с властью, гегемонией и дискурсом. Поэтому в критической геополитике особое внимание уделяется исследованию фуколдианской оси власти/знания, в рамках которой гегемонистский дискурс формирует властные отношения в политической системе [Bachmann, Moisiu 2020]. Понятие суверенитета выступает одним из ключевых понятий в подобных дискурсах.

Категория “суверенитет”, введенная в оборот еще Ж. Боденом [Bodin 1967] в XVI в., по сей день остается предметом академических дискуссий. В теории международных отношений ее наряду с понятиями “анархия”, “баланс сил” и “мощь” связывают прежде всего с реалистской парадигмой. Одновременно в современной российской политике “суверенитет” стал важнейшей частью господствующей идеологии, дискурсивно соотносимой с консервативным противостоянием капиталистическому прогрессистскому Западу и с нацией, чьим органическим атрибутом как единого целого и выступает суверенность [Морозов 2009: 449–451]. Благодаря суверенитету государство, страна и народ конституируются в дискурсе, утверждая свое право на существование через некий акт, который идет вразрез с волей США и их союзников – гегемонов мир-системы. Современный ЕС, однако, по-своему идеологизировал данное понятие в русле либерально-демократической аксиологии [Hermann 2007]. Для его лидеров стратегический суверенитет выступает уникальным атрибутом, обозначающим способность действовать в мировой политике самостоятельно, но с сохранением принципов либеральной демократии западного типа [Романова 2021]. Отметим, что критическая геополитика активно применяется для анализа воздействия дискурсов ЕС и РФ друг на друга, причем Э. Фокзалл высказывает идею о всевозрастающем вкладе категории суверенитета в процесс ухудшения двусторонних отношений [Foxall 2017].

Методологически наша работа опирается на морфологический анализ идеологии М. Фридена с фокусом на категории “деконтекстация” [Freedon 1996]. Согласно Фридену, политические понятия существуют в повседневном языке в неопределенном виде, их смысл едва ли возможно зафиксировать. Относительно устойчивое значение они обретают лишь внутри матрицы конкретных идеологических конструкций, проходя процесс деконтекстации и становясь концептами⁴. Исходя из подобного взгляда, Фриден определяет идеологии как “конфигурации деконтекстированных значений политических концептов” [ibid.: 76], деконтекстация же – это “проходящее внутри

⁴ То есть своего рода минимальными единицами дискурса, соотносимыми с означающим.

конкретной идеологии удаление концепта из потенциальной политической борьбы за его точное значение” [Herborth 2020: 19]. Идея, что смысл понятия детерминируется семантическим облаком вокруг него, перекликается с классическими постулатами структурализма и семиотики о важности оппозиций (отношений) с другими словами [Соссюр 1999: 68-70]. На практике деконтекстацию производит широкий спектр дискурсивных акторов от политиков до философов. Фокус на деконтекстации особенно актуален для нашего исследования, так как именно во время нее со всей очевидностью раскрывается процесс формирования смысла концепта за счет семантического окружения. Это именно ситуация нашего кейса – слово одно и то же, однако облако означающих вокруг него различно в этих двух дискурсах.

По Фридену, любая идеология состоит из ядра, смежных концептов и периферии. Например, для ядерного концепта “свободы” в либерализме смежными являются концепты “права человека”, “демократия”, “равенство”, а в качестве периферии выступает концепт “нация” [Freeden 1996: 77]. В данном исследовании мы сосредоточимся на смежных концептах, которые, согласно Фридену, “важны и для артикуляции всей идеологии” [ibid.: 77]. При этом мы выделим два типа смежных концептов: дополняющие и антагонистические. Первые “поддерживают” друг друга: например, “права и свободы человека” в либерализме. Вторые неразрывно связаны друг с другом, но выступают на противопоставлении: так, в устойчивом словосочетании “угроза безопасности” первый концепт условно “атакует” второй. Результатом выявления деконтекстации того или иного концепта в морфологическом анализе становится короткая формула из нескольких слов или небольшого предложения, где сконцентрировано семантическое содержание концепта⁵. Мы оформим полученные результаты в виде двух таблиц, что позволит лучше сравнить их. Сопоставимость выборок достигается за счет трех критериев. Во-первых, это количественная симметричность текстов (подробнее см. ниже). Во-вторых, структурное сходство российской выборки с европейской – в обоих случаях мы имеем дело с похожими текстами – речевыми актами первых лиц, глав дипломатической службы, ключевыми внешнеполитическими текстами и т.д. В-третьих, значимость подобных источников и дискурсивных акторов для ценностного поля властей РФ позволяет говорить о репрезентативности российской выборки относительно официального дискурса страны в целом.

“СУВЕРЕНИТЕТ” В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ

В России существует давняя традиция использования концепта “суверенитет”, поэтому основную проблему представлял отбор документов для анализа. В выборку по принципу симметрии вошли 16 текстов (столько документов, разрабатывающих концепт “суверенитет” в анализируемый период, удалось найти в ЕС). Мы взяли четыре официальных документа

⁵ Пример от М. Фридена: “утверждение о важности жизнеспособной национальной службы здравоохранения может быть расшифровано как включающее в себя базовый принцип благополучия человека, что деконтекстируется (и оценивается) как человеческое процветание; связанное со смежными концептами, такими как сообщество, власть и ответственность (совместно деконтекстируемые как связанные с вмешательством государства для продвижения основных убеждений), права человека (деконтекстируемые как права на социальные услуги) и общественные интересы (деконтекстируемые как поддержание человеческих способностей на максимально возможном уровне)” [Freeden 1996: 81].

России, принятые в 2016–2021 гг.: Концепция внешней политики от 2016 г.⁶, Доктрина информационной безопасности 2016 г.⁷, поправки в Конституцию 2020 г.⁸ и Стратегия национальной безопасности 2021 г.⁹ Еще 12 текстов принадлежат, распределенные поровну, двум главным акторам дискурсивной артикуляции внешней политики РФ, президенту и министру иностранных дел. Мы отобрали выступления президента¹⁰ на дискуссионном Валдайском клубе¹¹ и министра – на пресс-конференциях¹² по итогам года¹³. При этом

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. *Президент России. Официальный сайт*, 30.11.2016. <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (accessed 04.05.2023).

⁷ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. *Российская газета*, 06.12.2016. <https://rg.ru/documents/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (accessed 04.05.2023).

⁸ Полный текст поправок к Конституции: что меняется? *Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт*, 14.03.2020. <http://duma.gov.ru/news/48045/> (accessed 04.05.2023).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. *Президент России. Официальный сайт*, 02.07.2021. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (accessed 04.05.2023).

¹⁰ Заседание дискуссионного клуба “Валдай”. *Президент России. Официальный сайт*, 21.10.2021. <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>; Путин В. Выступление Владимира Путина на заседании клуба “Валдай”. Полный текст. *ТАСС*, 22.10.2020. <https://tass.ru/politika/9789887>; Заседание дискуссионного клуба “Валдай”. *Президент России. Официальный сайт*, 03.10.2019. <http://kremlin.ru/events/president/news/61719>; Заседание дискуссионного клуба “Валдай”. *Президент России. Официальный сайт*, 18.10.2018. <http://kremlin.ru/events/president/news/58848>; Заседание Международного дискуссионного клуба “Валдай”. *Президент России. Официальный сайт*, 19.10.2017. <http://kremlin.ru/events/president/news/55882>; Заседание Международного дискуссионного клуба “Валдай”. *Президент России. Официальный сайт*, 27.10.2016. <http://kremlin.ru/events/president/news/53151> (accessed 04.05.2023).

¹¹ У Президента РФ есть несколько ежегодных форматов выступления, которые гипотетически могли быть включены в выборку. Речи на ПМЭФ не попали в нее в связи со следующими обстоятельствами: Петербургский форум представляет собой расширенную до политического формата бизнес-площадку, что неизбежно накладывает на спикеров определенные ограничения. Выступления В. Путина здесь более либеральны по идеологическому содержанию и во многом ориентированы на торговлю и привлечение инвестиций. Этот факт делает дискурс президента нерепрезентативным относительно большей части его выступлений. Формат “Прямой линии” также не подходит для целей исследования, потому что значительная ее часть уделена повседневным нуждам граждан, а сам ее объем создает асимметрию в базе источников. Наконец, ежегодные Послания Федеральному собранию могли предоставить материал для выборки, однако практический анализ показывает, что понятие суверенитета присутствует в речах президента там не каждый год. Напротив, в рамках Валдайского клуба внешнеполитическая тематика является преобладающей, а интересующая нас категория встречается в выступлениях В. Путина каждый год не менее пяти раз, что обеспечивает необходимую симметрию с европейскими источниками.

¹² Исключение составляет 2016 г., когда подобная пресс-конференция не проводилась, поэтому она заменена на ежегодное выступление перед студентами и преподавателями в МГИМО 1 сентября.

¹³ Лавров С. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2021 году, Москва, 14 января 2022 года. *Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт*, 14.01.2022. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1794396/; Лавров С. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2020 году, Москва, 18 января 2021 года. *Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт*, 18.01.2021. <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1414102/>; Лавров С. Выступление и ответы на вопросы СМИ и.о. Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 году, Москва, 17 января 2020 года. *Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт*, 17.01.2020. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1425037/; Лавров С. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности россий-

учитывались только существенные упоминания концепта “суверенитет”, т.е. в выборку не попадали повторные его упоминания, незначимые в семантическом смысле. Согласно подходу Фридена, концепт образуется из некоторого числа родственных семантически синонимических и производных понятий (например, “экономика” и “экономический” – это один концепт). Несколько сходных по смыслу категорий могут образовывать концептуальный кластер, наполняемый смежными концептами, близкими по значению в рамках определенной зонтичной тематики. Смежные концепты (даже дополняющие) не обязательно объединены по теме, например, “суверенитет” и “культура” вне российского дискурса могут не соотноситься напрямую вовсе; связка же “оборона-военный”, напротив, мыслится вместе практически в любом семантическом поле. Именно поэтому мы суммируем в таблице те значения, которые, по нашему мнению, образуют единый семантический контент.

В результирующую выборку попали концепты с упоминанием выше пяти единиц. Среди смежных концептов лидирует “государство”; “[п]оследовательно проводимый Российской Федерацией курс... обеспечил укрепление суверенной государственности России”¹⁴. На втором месте расположился кластер безопасности, где собраны тематически родственные концепты “безопасность”, “оборона” и “военный”¹⁵, “[ц]елями обеспечения государственной и общественной безопасности являются защита конституционного строя Российской Федерации, обеспечение ее суверенитета”¹⁶. Эти концепты задают реалистско-консервативную картину рассматриваемого семантического поля. Далее следует легалистский кластер. В нем надо выделить концепты “право” и “законный”, в отличие от сферы безопасности здесь выше абстрактность и меньше связь с ВПК, зачастую речь идет об охране не только физических, но и нематериальных объектов. Еще один важный концепт – “территориальная целостность”. Легалистский кластер связан прежде всего с высокой ролью международного права и законности во внешнеполитическом дискурсе РФ, а “территориальная целостность” – это устойчивое словосочетание в российском бюрократическом языке. Особой важностью обладает концепт защиты применительно к суверенитету как чуть ли не единственное действие, которое необходимо выполнять. “Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности”, – гласят поправки к Конституции страны от 2020 г.¹⁷ Далее следуют 13 концептов,

ской дипломатии в 2018 году, Москва, 16 января 2019 года. *Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт*, 16.01.2019. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1451497/; Лавров С. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2017 году, Москва, 15 января 2018 года. *Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт*, 15.01.2018. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1560990/; Лавров С. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе встречи со студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО (У), Москва, 1 сентября 2016 года. *Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт*, 01.09.2016. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1533002/ (accessed 04.05.2023).

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. *Указ. соч.*

¹⁵ Два последних в большинстве случаев описываются как частный случай первого.

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. *Указ. соч.*

¹⁷ Полный текст поправок к Конституции: что меняется? *Указ. соч.*

важность которых для российского дискурса постепенно снижается: “общество”, “национальный”, “независимость”, “мир”, “информационный” и т.д. (см. табл. 1). Замыкают перечень концепты “свобода” (в основном в контексте “защиты прав и свобод гражданина”), “сотрудничество” (преимущественно, международное) и “границы”, в основном национальные. “Только суверенные государства способны эффективно отвечать на вызовы времени и запросы граждан”, – говорит В. Путин на заседании Валдайского клуба в 2021 г.¹⁸

Список антагонистических смежных концептов в российском дискурсе также довольно длинный. Первое место удерживает концепт “угроз”, от военной и экономической до весьма экзотических. “Информационно-психологические диверсии и ‘вестернизация’ культуры усиливают угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета”¹⁹, согласно Стратегии национальной безопасности страны от 2021 г. Важнейшей опасностью для суверенности оказывается вмешательство во внутрироссийские дела: “Расширяется использование информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва их суверенитета”²⁰. Из контекста выступлений и документов очевидно, что угрозы идут извне, но упоминается и внутреннее измерение рисков: “состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации”²¹. Замыкают перечень антагонистических смежных концептов “терроризм”, “конфликты”, “Запад”, “иностранный”, “санкции” (по всей видимости, три последних образуют смысловую связку) и “экстремизм” (см. табл. 1, резюмирующую наши выводы).

В официальном дискурсе России суверенитет – это *важнейший социальный объект, связанный со сферой прежде всего государственной безопасности, его необходимо защищать от угроз и вмешательства*. Отличие данной практико-семантической дискурсивной формулы от традиционных дефиниций²², наряду с отсутствием единого определения в официальных документах России²³, делает ее особо ценной.

¹⁸ Заседание дискуссионного клуба “Валдай”. Президент России. Официальный сайт. 21.11.2021. *Указ. соч.*

¹⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. *Указ. соч.*

²⁰ Там же.

²¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. *Указ. соч.*

²² Способность национальных властей реализовывать внутреннюю и внешнюю политику без определяющего вмешательства извне. См. Клишас А. Суверенитет и новые вызовы с точки зрения права. *Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт*, 24.01.2019. <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/100773/> (accessed 04.05.2023).

²³ В них суверенитет принимается как должное или описывается через атрибуты: например, народ как его источник или его распространение на всю территорию страны. См.: Статья 4 Конституции Российской Федерации. *Конституция РФ 2020*. <https://constitutionrf.ru/rzd-1/gl-1/st-4-krf> (accessed 04.05.2023).

Таблица 1 (Table 1)

Деконтестация концепта “суверенитет” в официальном дискурсе России
Decontestation of the “sovereignty” concept in Russian official discourse

Дополняющие смежные концепты	Число упоминаний	Антагонистические смежные концепты	Число упоминаний
государство	57	угрозы	18
безопасность (21) + оборона (7) + военный (13)	41	вмешательство	14
право (29) + законный (5)	34	нарушение	10
защита (16) + охрана (14)	30	внешний	9
территориальная/ государственная целостность	29	терроризм	8
общество(-енный)	20	конфликты	7
интересы	19	Запад	7
национальный	18	иностранный	5
независимость	18	санкции	5
мир (<i>global</i>)	18	экстремизм	5
информационный	17		
внутренний	15		
экономический	13		
мир (<i>peace</i>)	12		
культура	11		
свобода	9		
сотрудничество	7		
границы	6		

**“СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ”
 В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ЕВРОСОЮЗА**

В ценностном поле ЕС концепт “стратегический суверенитет” присутствует недавно, поэтому в нашу выборку попали все доступные в публичном поле его упоминания, где дискурсивный актор использует его более чем в одном абзаце (это позволяло нам исключить случайные упоминания, а также отсылки к суверенитету стран – членов ЕС). Эмпирическая база (как и в российском случае) включает 16 текстов, от речей государственных лидеров до официальных документов ЕС²⁴.

²⁴ Macron E. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron, à la Pnyx, Athens, 7 September 2017. *Указ. соч.*; Macron E. Initiative for Europe. *Указ. соч.*; Macron E. Discours du Président de la République à l’Occasion du Lancement de la Conférence sur l’Avenir de l’Europe. *Указ. соч.*; Macron E. Transcript: President Macron on his vision for Europe and the future of transatlantic relations. *Указ. соч.*; Juncker J.-C. President Jean-Claude Juncker’s State of the Union Address 2018. *European Commission*, 12.09.2018. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_18_5808; Michel C. Digital sovereignty is central to European strategic autonomy – Speech by President Charles Michel at “Masters of digital 2021” online event. *European Council. Council of the European Union*, 03.02.2021. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/02/03/speech-by-president-charles-michel-at-the-digitaleurope-masters-of-digital-online-event/>; Communication from The Commission to The European Parliament, The Council,

Наиболее популярными из смежных по отношению к суверенитету концептов в дискурсе ЕС являются: “цифровой” (24 упоминания); “экономический” (19); “технологический” (16). Значимое место занимает экономический кластер, где в первую очередь и должен реализовываться стратегический суверенитет ЕС: “Наш европейский суверенитет – это то, что позволит нам... построить сильную экономику и сделать нас экономической державой в этом меняющемся мире”²⁵. В этот кластер попали концепты “экономика/экономический”, “рынок/рыночный”, “торговля/торговый”, “финансовый”, “промышленный”, “инвестиции”, каждый из которых обладает собственным содержанием, но восходит в европейском дискурсе к общей теме экономики. При этом акцент делается именно на необходимости частичной автономии от мировой экономики. Важнейший для осмысления рассматриваемого концепта кластер связан с цифровыми технологиями (близкие тематически концепты “цифровой”, “технологии/технологический”, “дата/данные”). “Без цифрового суверенитета не может быть никакой стратегической автономии”²⁶, – говорит глава Европейского совета Ш. Мишель²⁷. Стратегический суверенитет определяется дискурсивными акторами через способность действовать, принимать решения. Поэтому под ярлыком децизионистского кластера объединены концепты “действовать”, “выбор”, “решение” и “независимый” как обозначающие семантическую линию перехода от пассивного или реактивного состояния к про-

The European Economic and Social Committee and The Committee of the Regions. A European strategy for data. *An official website of the European Union*, 19.02.2020. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593073685620&uri=CELEX%3A52020DC0066>; Communication from the Commission. A New Industrial Strategy for Europe. *EUR-Lex*, 10.03.2020. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593086905382&uri=CELEX%3A52020DC0102>; On the path to “Strategic Autonomy”. The EU in an evolving geopolitical environment. *European Parliament*, 01.09.2020. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf); Michel C. “Strategic autonomy for Europe – the aim of our generation”. Speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank. *European Council. Council of the European Union*, 28.09.2020. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/l-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-au-groupe-de-reflexion-bruegel/>; Breton T. Europe: the keys to sovereignty. *The Internet Archive*, 11.09.2020. <https://web.archive.org/web/20230512131120/https://www.linkedin.com/pulse/europe-keys-sovereignty-thierry-breton/>; Together for Europe’s recovery. Programme for Germany’s Presidency of the Council of the European Union. *EU2020.de*, 01.07.2020. <https://www.eu2020.de/blob/2360248/e0312c50f910931819ab67f630d15b2f/pdf-programm-en-data.pdf>; Hudson R.L. Germans kick off their EU presidency with big plans for research and education. *Science|Business*, 09.07.2020. <https://sciencebusiness.net/news/germans-kick-their-eu-presidency-big-plans-research-and-education>; Merkel A. Speech by Federal Chancellor Dr Angela Merkel opening the 14th Annual Meeting of the Internet Governance Forum in Berlin on 26 November 2019. *The Federal Government*, 26.11.2019. <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/speech-by-federal-chancellor-dr-angela-merkel-opening-the-14th-annual-meeting-of-the-internet-governance-forum-in-berlin-on-26-november-2019-1701494>; Leyen U. von der. Shaping Europe’s digital future: op-ed by Ursula von der Leyen, President of the European Commission. *European Commission*, 19.02.2020. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/AC_20_260; Draghi M. Sovereignty in a globalised world. Speech by Mario Draghi, President of the ECB, on the award of Laurea honoris causa in law from Università degli Studi di Bologna, Bologna, 22 February 2019. *European Central Bank*, 22.02.2019. <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2019/html/ecb.sp190222~fc5501c1b1.en.html> (accessed 04.05.2023).

²⁵ Macron E. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron, à la Pnyx, Athens, 7 September 2017. *Указ. соч.*

²⁶ Michel C. Digital sovereignty is central to European strategic autonomy – Speech by President Charles Michel at “Masters of digital 2021” online event. *Указ. соч.*

²⁷ Концепт “стратегическая автономия” используется дискурсивными акторами практически синонимически с концептом “стратегический суверенитет” / “суверенитет Европы”; выбор зависит от предпочтений конкретной службы ЕС или политиков. Кроме того, в практике ЕС также сложилась традиция говорить о стратегическом суверенитете, например, в цифровой или аграрной областях, и о стратегической автономии – в области обороны и безопасности.

активному. Э. Макрон отмечает в одной из программных речей: “Суверенитет, который мы хотим, — это суверенитет, который существует именно для того, чтобы объединить наши силы для построения европейской державы, чтобы принимать решения, а не быть лишь объектом того, что сверхдержавы будут делать [с нами]”²⁸. Следующий по значимости кластер в дискурсе ЕС касается безопасности и обороны (“Прежде всего, основой любого политического сообщества является безопасность”²⁹), затем следует концепт “глобальность” (“Европе пора развить то, что я назвал *Weltpolitikfähigkeit*, — способность играть свою роль в формировании глобальных дел”³⁰). Далее мы отмечаем наличие традиционной для ЕС ценностной риторики: “Одним словом, только Европа может гарантировать подлинный суверенитет и нашу способность существовать в сегодняшнем мире для защиты наших ценностей и интересов”³¹. Довольно важным для Брюсселя также оказывается мотив устремленности в будущее. По этой логике в грядущем Евросоюз будет пользоваться особыми возможностями субъектности, которые описываются дискурсивными акторами в модальности перспективы (см. табл. 2).

Не меньшую с точки зрения семантики роль играют антагонистические смежные концепты, формирующие смысл за счет противопоставления. Что должно быть преодолено благодаря суверенитету, что ему мешает реализоваться? В данном списке первые две позиции занимает кластер “вызовы/риски”³², от военных до эпидемиологических, а также мышление в узконациональных категориях. “Я верю в суверенитет Европы. Почему? Потому что наши вызовы более не находятся на национальном уровне”³³, — заявил Э. Макрон в своей речи в Афинах в 2017 г. Кроме того, суверенитет помогает преодолеть зависимости — третий пункт в списке антагонистических смежных концептов: “Чтобы сократить существующую зависимость в ряде сфер и защитить свой суверенитет, ЕС необходимо построить стратегическую автономию”³⁴ (см. табл. 2).

Итак, формула деконтекстации интересующего нас концепта в дискурсе ЕС следующая: *стратегический суверенитет — это способность принимать независимые решения, прежде всего в экономике, информационной сфере и безопасности, для борьбы с вызовами выше национального уровня, выгода наднационального перед национальным внутри ЕС*. Эта дефиниция несколько отличается от конвенционального определения суверенитета Европы, сформулированного Э. Макроном как “способность существовать в современном мире, защищать наши ценности и наши интересы”³⁵, и дополняет ее конкретикой, практикой Евросоюза и его текущей политико-правовой повесткой. Благодаря деконтекстации становится возможным выявить сферы реализации суверенитета и его масштаб. Теперь можно сравнить полученные результаты.

²⁸ Macron E. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron, à la Pnyx, Athens, 7 September 2017. Указ. соч.

²⁹ Macron E. Initiative for Europe. Указ. соч.

³⁰ Juncker J.-C. Указ. соч.

³¹ Macron E. Initiative for Europe. Указ. соч.

³² В разных вариантах дискурса вызовы и риски отличаются степенью потенциальности.

³³ Macron E. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron, à la Pnyx, Athens, 7 September 2017. Указ. соч.

³⁴ On the Path to “Strategic Autonomy”. Указ. соч.

³⁵ Macron E. Initiative for Europe. Указ. соч.

Таблица 2 (Table 2)

Деконтекстация концепта “стратегический суверенитет” в официальном дискурсе ЕС
Decontestation of the “strategic sovereignty” concept in official discourse of the EU

Дополняющие смежные концепты	Число упоминаний	Антагонистические смежные концепты	Число упоминаний
economy (19) + market (9) + trade (7) + finance (6) + industry (8) + investment (7)	56	challenges (8) + risks (7)	15
digital (24) + technological (16) + data (9)	49	national(ism)	9
act (10) + choice (11) + decision (10) + independent (7)	38	dependence	5
security (10) + defense (7)	17		
global	15		
values (9) + standards (5)	14		
power	14		
protection	12		
future	10		
autonomy	9		
democracy 9	9		
climate (3) + ecological (2) + green (1)	6		

СРАВНЕНИЕ ДЕКОНТЕСТАЦИЙ КОНЦЕПТА “СУВЕРЕНИТЕТ” В ДИСКУРСАХ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА

В дискурсах России и ЕС присутствуют сходства. Во-первых, и для ЕС, и для России важен концепт безопасности (четвертое и второе места в перечне), хотя для российского ценностного поля он значимее. Во-вторых, и Брюссель, и Москва высоко ставят концепт защиты, понимаемый как охрана чего-то: восьмое и четвертое места, хотя вновь важнее эта тематика для России. В-третьих, существенен для обоих дискурсов концепт независимости. В-четвертых, “мировой”, как категория масштаба, располагается на пятом и десятом местах в системе ценностей ЕС и России соответственно. В-пятых, дискурсы солидарны по первым пунктам антагонистических смежных концептов: вызовы в варианте ЕС и угрозы в российской интерпретации предстают главной опасностью для суверенности.

В то же время различия гораздо многочисленнее и фундаментальнее. Главное из них – концептуальное. В России суверенитет мыслится как часть субъекта, скорее, пассивная и потому нуждающаяся в защите, т.е. де-факто как объект. Он постоянно находится под угрозой. В ценностном же поле ЕС стратегический суверенитет – активная часть субъекта, ресурс, которым Брюссель пользуется. Второе различие касается антагонистических концептов. В дискурсе Евросоюза нам удалось выделить три пункта, среди которых есть тема национального, воспринимаемая негативно. В российском же дискурсе она, напротив, описывается позитивно; при этом мы обнаруживаем в нем целый спектр антагонистических концептов, в том числе сам Запад и ЕС как его часть. Концепты вмешательства, внешней сферы, нарушений являются частями органистической теории государства, популярной в российском

официальном дискурсе. Здесь государство вместе с обществом мыслятся как единый организм с властью во главе, а опасность исходит извне, подобно проникновению инфекции в тело [Морозов 2009: 330–331]. Показательно и число антагонистических концептов — их в российской сетке десять. С одной стороны, это означает, что в версии РФ суверенитет куда больше связан с конфликтностью, нежели в варианте ЕС. С другой — с точки зрения семиотики значительное число прямых оппозиций концепта означает его большую определенность по содержанию. Это логично, ведь в России суверенитет давно утвердился как одно из главных политических понятий, а в ЕС в форме стратегического суверенитета (Европы) он появился сравнительно недавно.

Есть и множество других отличий по конкретным пунктам в перечне смежных понятий. Во-первых, в дискурсе ЕС отсутствует тема государства в связи с суверенностью, что нельзя себе представить в случае России. Это объясняется периферийным (в терминах Фридена) отношением неолиберализма к концепту государства в целом. Во-вторых, в ценностном поле ЕС нет концепта государственной/территориальной целостности, тогда как в России это одно из самых устойчивых словосочетаний применительно к суверенитету. В-третьих, цифровой кластер не находится на первых позициях списка в России, в то время как в перечне ЕС он занимает второе место. В-четвертых, для ЕС суверенитет связан прежде всего с экономикой (первое место), в российской же сетке смыслов господствует политическое его понимание, а концепт “экономика” (в анализируемый период) расположен во второй десятке³⁶. В-пятых, для ЕС особой важностью обладает вопрос ценностей, а для РФ седьмая позиция занята их извечным (для исследователей отношений России и ЕС) антагонистом — интересами. Наконец, в ЕС на одиннадцатом месте находится концепт демократии, который отсутствует в российском списке, но на шестнадцатой позиции в России мы фиксируем сходный концепт свободы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

“Суверенитет” в дискурсе ЕС и России — это два принципиально разных концепта внутри одного и того же слова. Для Евросоюза стратегический суверенитет предстает способностью принимать независимые решения, в первую очередь, в экономике, сферах информации и безопасности для борьбы с вызовами наднационального уровня. В российском ценностном поле это важнейший социальный объект, связанный прежде всего с государственной безопасностью, его необходимо защищать от угроз и вмешательства. Подобная разность интерпретаций ожидаема на фоне отличий дискурсивной среды, внутри которых концепты деконтектировались. В этом отношении базовая гипотеза, которая являлась точкой отсчета для нашей работы, подтвердилась.

Настоящая статья демонстрирует, как методологически возможно изучать феномен деконтектизации конкретного концепта и, более того, сравнивать несколько подобных феноменов между собой с фокусом на внешне одинаковом концепте. Это особо значимо для последующих исследований, потому что сам М. Фриден озабочен разработкой общетеоретических вопросов и обрисовы-

³⁶ Отметим, что в последние полгода линия властного дискурса трансформируется, так как все более популярным в нем становится термин “технологический суверенитет”, который можно охарактеризовать как вариант импортозамещения. См. Медведев рассказал, как будет достигнут технологический суверенитет России. *РИА Новости*, 28.06.2022. <https://ria.ru/20220628/suverenitet-1798590747.html> (accessed 04.05.2023). Тем не менее такой поворот относится к недавним метаморфозам ценностного поля России в связи с интенсификацией конфликта с Западом, поэтому на текущем этапе еще преждевременно делать далеко идущие выводы о значимости этого понятия для официального дискурса.

вает эмпирические примеры лишь пунктирно. Но и в чисто теоретическом плане мы видим целесообразность в совершенствовании морфологического подхода, вводя отсутствующее у этого автора, но принципиальное разделение на дополняющие и антагонистические смежные концепты.

Интересна и дальнейшая эволюция места рассмотренных концептов в общей идеологии обеих политических систем. В России “суверенитет”, в терминах Фридена, находится близко к ядру идеологии, а возможно, и составляет это ядро. Судя по нынешней динамике развития официального дискурса России, в будущем ситуация не изменится кардинально. В то же время судьба таких новых для России производных, как “технологический суверенитет” или “финансовый суверенитет”, требует дальнейшего исследования.

В ценностном поле Евросоюза диспозиция более противоречива. Здесь “стратегический суверенитет” появился в сетке смыслов недавно, содержание концепта не до конца определено, поэтому в иерархии политических понятий он еще не может находиться в ядре идеологии. Однако наше исследование показывает, что значимость концепта возрастает в последние годы, он становится промежуточным “смежным”, в терминах Фридена, а не периферийным. Какую эволюцию проделает “стратегический суверенитет” внутри неolibеральной конструкции ЕС, покажет только время. Сам М. Фриден по этому поводу отмечал, что либеральная традиция является центральной для идеологического поля Европы и ЕС, и это активно развивающаяся конструкция, где одновременно сосуществуют несколько версий либерализма [Frieden, Fernández-Sebastián 2019]. Будущие исследования могут сосредоточиться на вопросе, как данный концепт будет взаимодействовать с соседними концептами, будет ли он терять или приобретать семантический вес в ЕС, в том числе применительно к категориям, связанным с Россией.

В то же время наше исследование демонстрирует, что становление концепта “суверенитет” в Евросоюзе вряд ли будет способствовать улучшению диалога Москвы и Брюсселя. Скорее, этот тренд внесет свою лепту в повышение градуса противостояния двух акторов как по текущему кризису вокруг Украины и параметров региональной и глобальной безопасности, так и по вопросу долгосрочного согласования параметров мирового порядка, устраивающих обе стороны.

DOI: 10.17976/jpps/2023.04.03

DECONTESTATION OF THE CONCEPTS OF SOVEREIGNTY AND STRATEGIC SOVEREIGNTY IN THE OFFICIAL DISCOURSES OF RUSSIA AND THE EU (2016–2021)

G.V. Kotsur¹

¹ St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia

KOTSUR, Gleb Vladislavovich, PhD (Political Science), Assistant, Department of Theory and History of International Relations, School of International Relations, St. Petersburg State University, email: glebk17@gmail.com

Kotsur, G.V. (2023). Decontestation of the concepts of sovereignty and strategic sovereignty in the official discourses of Russia and the EU (2016–2021). *Polis. Political Studies*, 4, 23–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.03>

Acknowledgements. This work was supported by Russian Science Foundation (RSF) grant (project No. 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>).

Received: 15.10.2022. Accepted: 19.04.2023

Abstract. The article focuses on the concept of strategic sovereignty that has proliferated in the EU's official discourse over the last few years. The EU has turned to sovereignty relatively recently; the very identity of the Union previously developed in direct opposition with this national phenomenon. In contrast, sovereignty is the key attribute of state and society in the Russian official discourse; its significance has grown in connection with the recent Ukrainian crisis. The author of the article compares the semantic content of sovereignty in the EU's and Russian official discourses using the methodology based on the morphological analysis of ideology by M. Freeden with the special focus on decontestation and adjacent concepts. Official discourse in the EU and Russia, including speeches of top politicians and key foreign policy documents, provide an empirical basis for this analysis. The author shows that the EU and Russian concepts have little in common. For the European Union, strategic sovereignty is the ability to make independent decisions, primarily in the economic, digital and security spheres, in order to deal with challenges above the national level. In the Russian semantic system, it is described as the most important social object associated primarily with state security, which must be protected from threats and interference. Despite some semantic intersections, the two concepts differ both in terms of paradigm, and in terms of specific semantic content.

Keywords: sovereignty; strategic sovereignty; ideology; the European Union; Russia; discourse; neoliberalism; conservatism.

References

- Agnew, J. (2003). *Geopolitics: re-visioning world politics*. London: Routledge.
- Bachmann, V., & Moisisio, S. (2020). Towards a constructive critical geopolitics – inspirations from the Frankfurt School of critical theory. *Environment and Planning C: Politics and Space*, 38(2), 251–268. <https://doi.org/10.1177/2399654419869016>
- Bodin, J. (1967). *Six books of the Commonwealth*. Oxford: Basil Blackwell.
- Foxall, A. (2017). From Evropa to Gayropa: a critical geopolitics of the European Union as seen from Russia. *Geopolitics*, 24(1), 174–193. <https://doi.org/10.1080/14650045.2017.1417848>
- Freeden, M. (1996). *Ideologies and political theory: a conceptual approach*. Oxford: Clarendon Press.
- Freeden, M., & Fernández-Sebastián, J. (2019). Introduction. European liberal discourses: conceptual affinities and disparities. In M. Freeden, J. Fernández-Sebastián, & J. Leonhard (Ed.), *In Search of European Liberalisms: Concepts, Languages, Ideologies* (pp. 1–35). New York, NY: Berghahn Books. https://www.berghahnbooks.com/downloads/intros/FreedenIn_intro.pdf
- Herborth, B. (2020). Ideology as decontestation. In B. Martill, & S. Schindler (Ed.), *Theory as Ideology in International Relations. The Politics of Knowledge* (pp. 34–50). Abingdon: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429021008-4>
- Hermann, C. (2007). Neoliberalism in the European Union. *Studies in Political Economy*, 79(1), 61–90. <https://doi.org/10.1080/19187033.2007.11675092>
- Prozorov, S. (2005). Russian conservatism in the Putin presidency: the dispersion of a hegemonic discourse. *Journal of Political Ideologies*, 10(2), 121–143. <https://doi.org/10.1080/13569310500097224>
- Waever, O. (1996). European security identities. *Journal of Common Market Studies*, 34(1), 103–132. <https://doi.org/10.1111/J.1468-5965.1996.TB00562.X>
- Morozov, V. (2009). *Rossiya i Drugie: identichnost' i granitsy politicheskogo soobshchestva* [Russia and Others: identity and borders of a political community]. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)
- Romanova, T. (2021). The EU's discourse on sovereignty: content and consequences. *Contemporary Europe*, 5, 32–44. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520213244>
- Saussure, F. de. (1999). *Cours de linguistique générale*. (Russ. ed.: Saussure, F. de. *Kurs obshchei lingvistiki*. Yekaterinburg: Ural University Press).

Литература на русском языке:

- Морозов В. 2009. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение.
- Романова Т.А. 2021. Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия. *Современная Европа*. № 5. С. 32–44. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520213244>. EDN: VXAWOX.
- Соссюр Ф. де. 1999. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/saussure1.pdf>